

К

ниг о Распутине сегодня пишется немало. Но ни одна из них лишней быть не может. Потому что такое явление русского национального духа, имя которому Распутин, нам предстоит осмысливать по мере того, как это явление отдаляется от нас по времени. Александру Королькову, известному российскому философу и автору книг по исследованию так называемой «загадки русской души», Бог подарил счастье личного знакомства и общения с Валентином Григорьевичем. Знакомства не разового или фрагментарного, но длительного и интенсивного. Переписка, беседы с глазу на глаз с Распутиным, возможность видеть его в самых разных ситуациях — когда он бывал и грустен, и весел, и сосредоточен на внутренних переживаниях.

Книга А. Королькова «Нравственная философия Валентина Распутина» представляет нам знаменитого писателя на пересечении самых разных литературных, политических, социальных, личностных векторов. На страницах повествования оживает полнокровный образ знаменитого человека, которого все мы, современники, вроде бы знаем, а многие еще и в школе изучали. Тем не менее, как всякое огромное явление, до конца изучить и понять внутренний мир Распутина нельзя. Он и доселе, даже прочитанный и перечитанный нами — нами же не узнан!

И уж коль речь зашла об узнаваемости, сразу приходит на ум эпизод из этой книги Александра Королькова с узнаванием известного писателя современниками, особенно из числа молодого поколения. Как говорится, все это было бы смешно, когда бы не было так грустно от мысли, что наша молодежь менее всего ощущает свою великую принадлежность к российской земле и российской литературе.

Почти анекдотичным выгляди случай, произошедший с двумя нашими великими прозаиками-друзьями — Распутиным и Крупиным. Как-то ехали писатели в вагоне метро, причем стоя: места им никто не уступил, да они о том и не просили. Ну, едут себе и едут. А тут Крупин увидел, что едва ли не единственная на весь вагон читающая девушка оказалась читательницей... его новой книги! Владимир Николаевич не удержался и спросил: «Интересная книга-то?» Девушка, не отрывая взгляда от страниц, отвечала утвердительно. Тогда обрадованный Крупин произнес: «А ведь эту книгу написал я!» На что молодая читательница смерила оценивающим взглядом нависшего над ней собеседника и иронически ответствовала: «Иди проспись, дядя!..»

Конечно, молодую читательницу надо похвалить, что читает настоящие книги. А как хочешь поругать ее, что не знает в лицо создателей этих подлинных книг, так и трижды подумаешь, а стоит ли ругать? Любой из нас — продукт своей эпохи. Разве может себе молодая читательница представить ситуацию, что именитый писатель запросто разъезжает в метро в то время, когда всякая безголосая звезда помпезно ездит в иномарках с охраной? Хотя как еще ездить народному писателю, как не с теми, для кого он пишет свои книги?

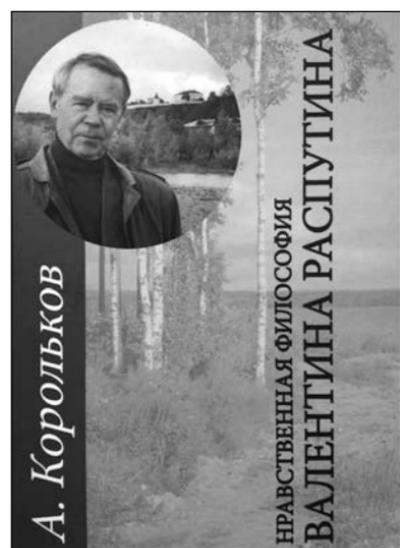
Несмотря на явную одинокость среди людей (потому что талантливый человек всегда одинок), Валентин Распутин дружил и общался с очень многими, а также пересекался с целым рядом явлений. Часто именно явления и люди противоречивые вызывали его особенное внимание. Об одном из таких людей есть в книге Александра Королькова глава. Это однофамилец Валентина Григорьевича — знаменитый старец Григорий Ефимович Распутин, который был загадкой при жизни и после своей гибели оставил множество тайн, что и доселе не разгаданы... Села Покровское, уроженцем которого был старец Распутин, нет на картах — ни на карте Сибири XV–XVII веков, ни в словаре Брокгауза-Ефрона. Что очень странно, потому что это было большое село на реке Туре, одно из стариннейших и крупнейших сел Сибири. В нем вырос и из него ушел в столицу Григорий Распутин.

До сих пор личность Григория Распутина возбуждает в обществе самые яростные споры. Одни говорят о нем, как о блуднике и инт-

ригане. Другие говорят об удивительной духовной одаренности старца, о том, что приближение его последним русским императором к царской семье было не случайным, а наполнено глубоким мистическим смыслом. Александр Корольков, общаясь с Валентином Григорьевичем на протяжении долгого времени, не раз бывал свидетелем того, что он очень внимательно относился к судьбе своего однофамильца. Как-то, вспоминает Корольков, в Ленинграде они «сбежали» с концерта Дмитрия Кабалевского, куда их привела дочь Распутина Мария. И отправились гулять по Ленинграду. Бродили возле Михайловского замка, гуляли вдоль канала Грибоедова, не преминули зайти во дворик дома-музея Пушкина, вышли к реке Мойке и направились было в сторону Невского проспекта, как вдруг Распутин внезапно спросил: «А где Юсуповский дворец?» Выяснилось, что Валентин Григорьевич уже бывал там, и даже посетил ту подвальную комнату, где воссоздана обстановка расправы над Распутиным, парадоксальная личность которого явно очень интересовала Валентина Григорьевича...

Александр Корольков также напоминает давний рассказ Валентина Григорьевича о какой-то заграничной писательской поездке, когда он с коллегами оказался волею случая в ресторане «Распутин». Захмелевшие во время ужина писатели после очередного тоста похвастались хозяевам, что один из них — Распутин. Это возымело такое действие, что хозяева ресторана сочли за честь оплатить банкет за счет ресторана!

В 80-е годы в Ленинграде появился старинного вида дом, который некий ловкий мужичок позиционировал музеем старца Григория Распутина, демонстрируя в нем, как самый ценный экспонат, стул, на котором тот якобы сидел. За отдельную таксу посетителям музея предлагалось посидеть на этом раритетном стуле, дабы напитаться мощной распутинской энергетикой... Хотя ни тогда, ни сегодня власти, понятно, не хотелось, чтобы народ вспоминал о таком неоднозначном человеке отечественной истории, каким был старец Григорий Распутин... И по указанию партии подобная тематика стала загоняться на периферию общественного внимания. Впрочем, партийные указы всегда мешали народу воспринимать свою историю в полном объеме. Изначально-то само слово «партия»

обозначает «часть». А потому всякая партийность есть ущемление общенационального. Но об этом мы еще вспомним, говоря об отношении Распутина к Солженицыну.

Нельзя обойти вниманием повесть Валентина Григорьевича, о которой много говорят в литературных кругах, но которую пока никто не видел опубликованной, и даже в рукописи. Это повесть о первой любви Распутина. Хочется поблагодарить Александра Королькова за то, что с большим человеческим тактом он все-таки коснулся этой нигде и никогда не публиковавшейся повести Распутина. Рассказал нам о молодом Валентине Распутине, еще до его женитьбы на Светлане Ивановне. Собственно, иначе как целомудренной любовью нельзя назвать отношение Валентина Григорьевича к тезке своей будущей жены, студентке МГУ Светлане Ф., с которой Распутин познакомился, когда она приехала на практику в Иркутск. Созвучие душ обусловило ту глубину и целомудренность отношений, которую Распутин и Светлана Ф. пронесли по жизни. Причем, Распутину настолько было нечего скрывать от своей жены, что он мог позволить себе роскошь познакомиться двух Светлан — свою жену и Светлану Ф, которая на момент второй встречи с Распутиным и знакомства с его супругой тоже была замужем. Но было и осталось главное — родственность душ и беспокойство за Россию, все нарастающее беспокойство...

Большая заслуга книги «Нравственная философия Валентина Распутина» в том, что она не обходит вниманием ни один из аспектов мировоззрения нашего великого писателя — даже те, которые могут вызвать неоднозначную реакцию его читателей и почитателей. Такой темой является отношение Распутина к Солженицыну. Еще в доперестроечные годы на одной из встреч Валентин Григорьевич, отвечая на вопрос из зала, как он относится к Солженицыну, сказал: «Это Достоевский нашего времени». Подобные высказывания могли дорого стоить писателю в годы высылки Солженицына из СССР и запрета на его публикации. Распутин никогда не поддавался политической конъюнктуре. Когда читатели и коллеги Валентина Григорьевича обнаруживают, что он ценит Солженицына-публициста, то одни впадают в недоумение, другие даже в гнев. Мол, как мог Распутин, которого мы считаем совестью нации, встречаться с Солженицыным и даже получить премию Солженицына? А ведь не было у Распутина недоверия к слову Солженицына, хотя Валентин Григорьевич мог и поспорить с ним.

Очень точно, словно именно об этой ситуации, сказал Архиепископ Сан-Францисский Иоанн Шаховской, чьи слова приводит в своей книге Александр Корольков. «Русский реализм Солженицына может быть понят по-настоящему только друзьями правды последней... Непартийность этого реализма — в понимании и осуществлении человека в его последней правде...»

Трудно не согласиться и с самим Александром Корольковым, который так видит ситуацию взаимодействия двух явлений, имя которым Распутин и Солженицын: «...Солженицын чужд всякому страждущему партийной верности, забывающему, что партия по смыслу самого слова — это часть, а не весь народ, что партии разделяют, разрывают народ на части. Солженицын никогда не поддавался этому раздраю и оттого не был понят ни красными, ни белыми, его отвергли и выбросили за пределы Отечества недальновидные коммунисты, но он не пришел ко двору и врагам коммунизма — это стало ясно в его заграничном американском бытии. Он никому не служил в партийном смысле слова...»

Аналогично и Распутин не мог в силу своего таланта служить лишь части народа, какой является любая, даже самая справедливая и

«правильная» партия. И, думаю, именно в этомприятии народа во всей полноте этого понятия, в его последней правде, и было созвучие Распутина и Солженицына. В одном из писем 1999 года, которое приведено в книге Александра Королькова, мы читаем: «Статью Солженицына (речь идет о знаменитой статье «Как нам обустроить Россию?» — Э.А.) я, конечно, прочитал: очень она кстати, и даже кстати с опозданием. Никому, кроме А.И., ее бы и близко к тому, что сказано им, не написать. И все же чувствуется, что это взгляд со стороны, взгляд мощный, исторический, но не опаленный нашей действительностью, но как бы выхолощенный, направленный сзади, а не сверху. Но потому именно, что это Солженицын, статью прочитают все, и при его огромном авторитете внемлют больше, чем от нас, вместе взятых...»

Вот тут я категорически не соглашусь с Валентином Григорьевичем. Его скромность общеизвестна и часто понимаешь: скромн Распутин не по таланту. Как пишет Александр Корольков, однажды он получил «нагоняй» от писателя только за то, что, когда писал эссе о Шмелеве, поставил рядом имя Распутина, как явления литературно и духовно созвучного и равного. Валентин Григорьевич позвонил Королькову и сказал, что неэтично ставить его имя в один ряд с таким великим писателем, как Шмелев. И потребовал, чтобы Корольков убрал его имя из текста, оставив только имя Шмелева. Однако теперь, спустя время, которое все и вся ставит на места, мы прекрасно понимаем, что имена Шмелева и Распутина навсегда вписаны золотыми буквами в историю русской литературы. И стоят по праву рядом. А потому я, насколько не уничижая того вклада в русское самосознание, что сделал Солженицын, все-таки скажу, что вклад Распутина на пути исследования и, если угодно, целительства души и духа нашего народа, много-много больше!

Долго и непросто шел Валентин Григорьевич от просто веры к воцерковлению. Человеком верующим он был всегда. Еще в советское время «позволял» себе, живя в официально атеистической советской стране, очень рискованные высказывания, с точки зрения официальной идеологии. Говорил о том, что духовная составляющая нашего народа — изначально православна. Поначалу православ-

ные батюшки, с которыми Распутин стал общаться задолго до своего воцерковления, отмечали, что при всей своей глубокой православности Валентин Григорьевич все-таки недостаточно воцерковлен. Путь его к воцерковлению был непрост, как не может быть он прост у русского человека в принципе, если речь идет не о формальном соблюдении внешних обрядов и канонов, но о том невидимом внешне мистическом духовном опыте.

Этот путь к воцерковлению начался у Распутина с чтения Ивана Шмелева и его «Поля Куликова». «В сентябре 1980 года в Сергиевом подворье старинного города Елец Валентин Григорьевич принял крещение. По воспоминаниям его крестной, он волновался, как ребенок! Распутин постился, исповедовался, причащался, а в Сретенском монастыре сблизился с архимандритом Тихоном Шевкуновым...

Надо поблагодарить автора книги за его смелость не замалчивать непростые моменты мировоззрения человека, которому Господь судил стать совестью народа именно в то время, когда совесть самым наглым образом повсюду попирается. Когда это евангельское качество совести хотя бы вытравить из души нашего народа. Причем, часто вытравливают, прикрываясь православной риторикой. Валентин Распутин в этом смысле для нас является образцом того, как примирять в душе неизбежные противоречия земные ради сохранения небесного завета в душе. Как противостоять искушениям, на которые столь щедрна наша смутная эпоха. А самое главное, как не извериться в России в то время, когда вера в нее воистину становится духовным выбором и духовным подвигом.

А закончить хочу словами письма Валентина Григорьевича, что опубликовано в книге Александра Королькова: «Россия еще вернется к себе, я верю в это, но будет существовать с пересаженным сердцем. Даже остатки ее национализма будут другими, как бы контрактными, а не проистекающими из органической жизни. То, как наш русский человек примерно до сорока лет кинулся прочь от России, даже оставаясь в России, говорит, что его возвращение не может быть безболезненным...» Как говорится, болезни попускаются нам Свыше, и если мы способны чувствовать боль душевную, значит мы живы.